

На правах рукописи

Кутявин Никита Александрович

*Радикальные славянские неоязычники в общественно-политической жизни
России в конце XX – начале XXI в.*

Специальность 5.6.4 – этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Ижевск – 2024

Работа выполнена в Институте истории и социологии Удмуртского государственного университета.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Удмуртского государственного университета Вадим Викторович Долгов.

Официальные оппоненты:

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующая кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Попова Ольга Дмитриевна, доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой истории России, историографии и источниковедения Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

Ведущая организация: Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук.

Защита состоится _____
дата, время

на заседании диссертационного совета Д 002.117.ХХ (24.1.194.01) на базе
ФГБУ ИЭА РАН

119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии РАН www.iea-ras.ru

Автореферат разослан _____
(дата)

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук _____ Наумова О.Б.

Актуальность темы исследования. В рамках социо-гуманитарных дисциплин, связанных с религиоведческой проблематикой, принято понимать под «язычеством» те религиозные явления, которые исторически предшествовали мировым интернациональным религиям, а затем сосуществовали с ними в качестве «народных» верований и практик. Подобный подход удовлетворяет как верующих представителей мировых религий, так и адептов неоязычества — представителей новых религиозных движений (НРД) нативистского толка. По теме славянского язычества существует большое количество научных трудов таких признанных отечественных и зарубежных ученых, как Е. В. Аничков, Е. М. Гальковский, А. Гейштор, Л. С. Клейн, В. Й. Мансикка, Б. А. Рыбаков, И. П. Русанова, Б. А. Тимощук и многих других. Кажется, что серьезной проблемой эта тема для науки не является.

Однако, появление русских неоязычников или «родноверов»¹ на исторической арене в 70-е гг. XX в. ставит новые вопросы, относительно того, что такое язычество и какое место оно занимает в религиозной истории России и человечества в целом. С тех пор, как родноверие стало объектом исследований, сложилось два основных взгляда на его природу. Согласно первому, русское неоязычество — это современный идеологический конструкт, создаваемый националистически настроенной городской интеллигенцией в политических целях. Оно использует образы существовавшего когда-то подлинного славянского язычества, но не имеет исторической преемственности, так как во времена Крещения Руси традиция прервалась. Другая позиция выглядит следующим образом. Язычество — это религиозное и мировоззренческое явление, имеющее неавраамический характер, поэтому, хотя современные «волхвы» и реконструкторы древнеславянской религии и не имеют исторической преемственности, их все

¹ Родноверы – самоназвание части русских неоязычников, придуманное И.Г. Черкасовым (волхвом Велеславом). В 2007 г. О.И. Кавыкин предложил использовать его в качестве обобщающего термина для русских неоязычников. При этом стоит учитывать, что сами неоязычники могут по-разному определять границы сообщества людей, являющихся «родноверами». Синонимы: «родная вера», «русский ведизм» и т.д.

же можно назвать язычниками, только «современными». Всех исследователей неоязычества можно легко разделить на тех, кто использует или не использует приставку «нео-». Какое-то время на эту тему происходила определенная полемика в печати, но, в конечном итоге, эта проблема так и не была решена. Таким образом, в историографии до сих пор присутствуют два плохо совместимых друг с другом представления о сущности неоязычества. В этой ситуации видится необходимым анализ методологии, применяющейся в данной сфере исследований, дабы выявить сильные и слабые стороны имеющихся подходов.

Вторая проблема заключается в том, что наши представления о «язычестве» успешно избежали воздействия со стороны некоторых важных теоретико-методологических трендов. Как результат — неотрефлексированной осталась проблема теологического происхождения термина. Например, с точки зрения христианства вера в дохристианский политеистический пантеон богов и исполнение магических практик в народной среде — это в равной степени проявления «язычества». Однако, уже в начале XX в. Э. Дюркгейм и М. Мосс с функционалистских позиций обосновывали деление религии и магии, как общественной и частной сфер соответственно. Преследовать и линчевать «магов» могут и представители «неавраамических» религий. Таким образом, термин «язычество», из-за своего богословского происхождения, включает в себя конфликтующие друг с другом культурные явления. Сформулированный Церковью образ «внешнего», «другого» был воспринят учеными как реальная сущность. Остается вопрос, должны ли социо-гуманитарные дисциплины использовать этот термин? И, если да, должен ли он быть как-то переосмыслен?

Наконец, существует и третья проблема, связанная с радикализмом в неоязыческой среде. Ученые активно занимаются классифицированием родноверческих направлений, в том числе и с точки зрения их радикализма или, наоборот, толерантности. Тем не менее, остается вопросом, какая из составляющих неоязычества является более значимой. Один и тот же

неоязыческий идеолог вполне может оказаться на поверку и ультраправым националистом, и защитником окружающей среды, и ценителем эзотерической духовности. Является ли деструктивный потенциал неотъемлемой частью неоязычества, или со временем он выветрится, и останется только любовь к фольклору и обожествление природы? Этот вопрос отсылает нас к серьезной научной проблеме, связанной с исследованием связей между религией и насилием. Как и в случае с исследованием неоязычества, здесь нет единой исследовательской парадигмы. Следовательно, в каждом конкретном исследовании, рассматривающем неоязычество с точки зрения проблемы радикализма и насилия, должен быть четко прописан теоретико-методологический базис.

Еще одна вещь, которую необходимо отметить, это разнообразие, присущее современному неоязычеству. Неоязычество существует и в европейских странах, и в США, и во многих других уголках Земли. К нему причастны люди, принадлежащие к различным политическим идеологиям. Поэтому необходимо сразу указать на то, что в данной работе речь пойдет исключительно о славянском неоязычестве и преимущественно о его российском варианте, а если еще точнее — *о его крыле, связанном с радикальным национализмом.*

Еще раз коротко сформулируем список стоящих перед исследователями проблем. Во-первых, существует необходимость критического переосмысления теоретико-методологических оснований своей работы, а также сравнительного анализа существующих парадигм. Во-вторых, необходимо рассмотреть сложности, связанные с использованием термина «язычество». В-третьих, неоязычество, как феномен, должно быть рассмотрено в его историческом развитии как конструкт и как функциональная составляющая мировоззрения представителей определенного религиозно-политического движения. В-четвертых, необходимо выяснить, какое место в российском славянском неоязычестве занимает радикализм. Этим объясняется научная актуальность данной работы.

Степень научной разработанности темы. Совокупность исследований неоязыческого движения и идеологии имеет смысл разделить на три основных направления.

Научно-критические и историко-политологические исследования неоязыческой идеологии проводились такими представителями социальных и гуманитарных наук, как А. А. Зализняк, О. И. Кавыкин, Л. С. Клейн, А. Г. Кузьмин, М. Ларюэль, Е. Л. Мороз, Н. Омонов, В. В. Прибыловский, В. А. Шнирельман. Эти авторы изучали неоязычество как одно из направлений в ультраправой мысли, а также критически анализировали неоязыческие репрезентации прошлого. Они также ввели в научный оборот в качестве источников большую часть неоязыческой публицистической литературы и религиозных текстов.

Социально-антропологический «понимающий» или «эмный» («emic» в терминологии К. Пайка) подход к проблеме неоязычества представлен в работах Р. В. Шиженского и А. А. Бескова, выпускающих тематический альманах «COLLOQUIUM HEPTAPLOMERES», их учеников, а также для К. Айтамурто, А. В. Гайдукова, И. Б. Михеевой. Благодаря исследованиям этой группы ученых, не только изучавших источники неоязыческого мировоззрения, но и проводивших социологические опросы, интервьюирование и включенное наблюдение на неоязыческих праздниках, на сегодняшний день можно сформировать достаточно полную картину представлений неоязычников о самих себе, об их мировоззрении, о причинах их обращения к этой религии.

Также имеет смысл обратить внимание на критические работы, написанные авторами с четко выраженной конфессиональной ангажированностью, в первую очередь православными. Среди них работы сектоведов А. Л. Дворкина и В. А. Мартиновича, священника Г. Максимова, миссионера М. Н. Кузнецова и писателя Ю. Ю. Воробьевского. Они очень сильно варьируются в плане академичности, и если работы А. Л. Дворкина, В. А. Мартиновича и М. Н. Кузнецова заслуживают серьезного внимания, то

книги Г. Максимова и Ю. Ю. Воробьевского можно рассматривать лишь в качестве вторичных источников по исследуемой теме.

К 2020 г. было защищено 10 кандидатских диссертаций по теме неоязычества. Их авторы: А. Н. Агальцов, О. В. Асеев, К. А. Жарчинская, В. В. Кобец, Е. М. Лемешева, А. В. Луценко, В. Б. Меранвильд, С. Н. Пигалкина, А. В. Пучков, И. С. Резепова. Однако, далеко не все эти работы были посвящены конкретно русскому неоязычеству. Некоторые, как В. Б. Меранвильд, исследовавший движение «славяно-горицкой» борьбы, изучали только одно из направлений родноверия. Другие, как А. В. Пучков, изучали европейское неоязычество. Кроме того, лишь одна из десяти диссертаций, за авторством К. А. Жарчинской, была защищена по историческим наукам. В ней исследовалась не история движения и его идеологии, а исторические взгляды неоязычников. Еще восемь диссертаций были защищены по философским наукам и одна — по социологическим.

Объектом исследования является феномен русского неоязычества.

Предметом исследования является радикальное направление внутри неоязыческого движения и его идеология.

Целью исследования является анализ генезиса и исторического развития феномена русского радикального неоязычества-родноверия, как религиозно-политического направления и варианта националистической идеологии.

Задачи исследования:

1. Выявить основные методологические подходы и теоретические парадигмы, присутствующие в историографии и сформулировать собственный подход, исходя из того, какие аспекты темы еще не были в полной мере раскрыты.

2. Сформулировать на основе выбранного терминологического и концептуального аппарата рабочие определения «язычества» и «неоязычества».

3. Рассмотреть предпосылки для возникновения радикального русского неоязычества в политике, образовании и науке СССР.

4. Проанализировать факторы, повлиявшие на генезис неоязыческой идеологии в трудах первых идеологов (А. А. Добровольский, В. Н. Емельянов, А. М. Иванов).

5. Изучить процесс развития неоязычества как движения в 90-е гг. XX в. и влияние на него радикальных интеллектуалов-основоположников.

6. Типологизировать подходы к конструированию «Традиции», представленные в работах неоязыческих идеологов.

7. Установить наличие или отсутствие связи между всплеском ультраправого политического насилия в начале XXI в. и распространением неоязычества среди радикальной молодежи.

8. Выявить причины перехода некоторых неоязычников, придерживавшихся националистических взглядов, в радикальный ислам.

Хронологические и территориальные рамки работы. В диссертационном исследовании отсчет истории неоязычества начинается с 70-х гг. XX в., когда увидели свет ключевые произведения первых неоязыческих идеологов. Далее история прослеживается вплоть до конца первого десятилетия XXI в., когда ультраправая среда в России постепенно распадается на части в силу влияния внешнеполитических факторов. Пространственная граница исследования определяется территориями РСФСР и современной России, поскольку история неоязычества в странах ближнего зарубежья, например, в Украине, представляла собой совершенно особый, отдельный процесс, хотя связи с российскими неоязычниками и имели место.

Источниковая база исследования. В ходе исследования используются несколько видов источников. Первая группа включает в себя публицистические тексты за авторством неоязыческих идеологов, апологетов, активистов и «волхвов» (таких как В. Н. Безверхий, А. А. Добровольский, В. Н. Емельянов, А. М. Иванов, Л. Р. Прозоров, Н. Н. Сперанский, А. Ю. Хиневич, И. Г. Черкасов), а также публицистику из иных направлений

маргинальной религиозной мысли, повлиявших на неоязычество или пригодных для сравнительного анализа (тексты традиционалистов Р. Генона и Ю. Эволы, «новых правых» А. де Бенуа и Д. Веннера, скандинавского неоязычника К. Викернеса, украинской неоязычницы Г. Лозко, сторонника «космической религии» З. Ситчина).

Во вторую группу вошли материалы из периодической печати, то есть тексты статей из неоязыческих и националистических периодических изданий («Гнев Перуна», «Наследие Предков», «Национальная газета», «Родноверие»). В эту группу входят как тексты официально опубликованные, так и бытующие в форме самиздата, в том числе электронного («зины» «Боевой Террористической Организации» Боровикова-Воеводина).

Третья группа — коллективные обращения неоязыческих объединений, такие как «Царицынское обращение», «Коломенское обращение» и обращение «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве».

Четвертая группа — источники личного происхождения, представляющие собой опубликованные в интернете в открытом доступе материалы частной переписки и дневниковые записи в блогах (блоги правых публицистов К. А. Крылова, М. Сахарова, А. А. Широпаева, В. Г. Фролова и т.д.).

Пятая группа источников — мемуары людей, наблюдавших за деятелями неоязычества со стороны, будучи с ними знакомы. Это воспоминания писателя и публициста В. В. Акунова, адвоката Д. И. Каминской, националистического публициста В. Н. Осипова.

Шестая группа — делопроизводственные источники, среди которых опубликованные стенограммы заседаний по «Делу четырех», где среди подсудимых был А. А. Добровольский, обращение Р. Белкина к И. В. Сталину с предложением юридически узаконить свободную национальную самоидентификацию граждан СССР и официальные заключения Института языкознания и Института философии АН СССР по этому вопросу.

Седьмая группа — киноматериалы и аудиоматериалы, которые включают видеозаписи выступлений неоязыческих лидеров и активистов, интервью с их участием, документальные фильмы, а также серию интервью с бывшим неоязычником Иваном Лисковым, записанных сектоведом В. Ю. Питановым.

Восьмая группа – полевые этнографические материалы, которые включают результаты онлайн-наблюдения за сообществами неоязычников в социальных сетях (группы «Слава живым грибам» и «Игры Богов»), осуществлявшегося автором данного исследования с 2009 по 2021 гг., а также интервью, собранные автором (материалы переписки с Н. Н. Сперанским, несколькими анонимными бывшими адептами неоязычества, интервью с бывшим неоязычником В. Красноперовым (имя изменено), а также два интервью с бывшими последователями блогера и неоязыческого интернет-публициста Яроврата (В. Г. Фролова)). Сообщества «Слава живым грибам» и «Игры Богов» важны в силу того, что представляют собой два противоположных полюса в рамках русского неоязычества. «Игры Богов» (9500 человек) – сообщество в социальной сети ВКонтакте, посвященное документальному сериалу С. В. Стрижака, с помощью которого пропагандировались идеи неоязычника А. Ю. Хиневича («Патера Дия») и его «Церкви староверов-инглингов». «Слава живым грибам» (1800 человек) — сообщество в той же социальной сети, созданное представителями родноверческих организаций, не признававшими инглингов и стремившимися провести идеологическую черту между теми, кого они считали «адекватными язычниками» и теми, кто в эту категорию не входит. Оба сообщества были площадками для многочисленных и длительных дискуссий. Также используются интервью, опубликованные в виде стенограмм в изданиях Р. В. Шиженского, его коллег и учеников.

Девятая группа — статьи журналистов и правозащитников в электронных и печатных СМИ, среди которых «Credo.ru», Центр «Сова», «Известия», «Фонтанка.ру», «МК.RU», «Комсомольская правда» и др.

Десятая группа — учебники истории и пособия для учителей времен СССР, которые анализируются с точки зрения репрезентации сюжетов, связанных со славянским язычеством и крещением Руси.

Одиннадцатая группа — визуальные источники, такие, как иллюстрации из националистического «Белого букваря», а также карикатуры и баннеры, распространявшиеся в интернете.

Методология. Поскольку в сфере исследований по истории религий и общественно-политических движений сосуществует несколько теоретических парадигм, каждая со своей методологией, обоснованию используемой методологии и ее особенностям посвящена первая глава диссертации. В кратком изложении ее можно представить следующим образом. Выбранный автором подход ближе всего к классической парадигме. В его основе лежит структурный функционализм в том виде, в каком он представлен в работах Э. Дюркгейма и М. Мосса, и миметическая теория Р. Жирара и его последователей (Ж.-М. Угурляна, Г. Лефора, П. Таймеса, Е. Галены). Функционалистский подход сочетается с конструктивистским подходом (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, В. А. Тишков, С. В. Соколовский, В. А. Шнирельман). При необходимости используются концепции «идеальных типов» М. Вебера и психологический анализ конспирологического мышления Р. Бразертонна. Основные методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, метод классификации, социальный и психологический редукционизм, онлайн-наблюдение, неформализованное интервью.

Важно отметить, что этические соображения во многом ограничивали возможности автора по использованию полевого материала, так как согласно «Федеральному закону от 27 июля 2006 г. N 148-ФЗ» к экстремистской деятельности относится в том числе и публичное выражение радикальных взглядов (в форме оправдания терроризма, возбуждения розни или пропаганды исключительности). По этой причине все цитаты из социальных сетей приводятся без указания авторства, за исключением случаев очевидного

использования псевдонима. Более того, несмотря на то, что данное исследование посвящено проблеме радикализма, наиболее радикальные высказывания обнаруженные в ходе онлайн-наблюдения за неоязыческими сообществами невозможно опубликовать, так как это может иметь серьезные юридические последствия для их авторов. Материалы собранных интервью по этой же причине приводятся не полностью. Также проблемой является постоянное исчезновение материалов из сети — авторы удаляют свои комментарии из осторожности. Видеозаписи также удаляются.

Научная новизна исследования состоит в анализе истории радикального крыла неоязыческого движения и элементов его идеологии в их исторической динамике с выявлением основных социальных и психологических факторов с опорой на методологию, ранее к данной проблеме не применявшуюся, а также с использованием новых источников и собственных полевых материалов. Используемый подход позволяет объяснить, каким образом возникло русское «родноверие», почему оно стало именно таким, как оно представлено в произведениях его ключевых идеологов, каким образом происходило разделение внутри движения, как неоязычество могло повлиять на всплеск насилия со стороны молодых ультраправых в начале XXI в., и почему некоторые неоязычники переходили в радикальный ислам.

Практическая значимость работы. Предлагаемое исследование призвано более точно определить, чем в исторической ретроспективе является феномен русского неоязычества, что может внести определенный вклад в религиозную ситуацию в России, в профилактику религиозного радикализма и в налаживание межконфессионального диалога. Его содержание может использоваться в последующих исследованиях по темам новых религиозных движений нативистского толка, маргинальной религиозности и правого радикализма, при написании статей, монографий, учебников и научных докладов.

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Историография темы включает в себя три основных направления: научная и политическая критика неоязычества, позитивно настроенное по отношению к неоязычеству «понимающее» направление, конфессиональная критика неоязычества. Единство исследовательской парадигмы свойственно только второму направлению, которое основано на теории и методологии неклассического религиоведения и методах этной антропологии. Существуют две проблемы, которые в рамках неклассической парадигмы и этного подхода очень трудно решить. Первая — это проблема демаркации между язычеством и неоязычеством (или «современным язычеством», в терминологии Р. В. Шиженского и А. А. Бескова). Вторая — проблема теологического происхождения термина «язычество» и путаницы, которую вызывает его слишком широкое толкование. Можно предположить, что обращение к иной (классической) парадигме и иной (этной) методологии может помочь в решении этих проблем.

2. Использование термина «язычество» в научной работе затрудняет его теологическое происхождение в качестве категории исключения, в которую христианство включало все, что ему не соответствовало. Можно провести аналогию с гностицизмом и эзотеризмом, которые В. Ханеграаф называл «мусорной корзиной истории». Обратившись к представителю классической парадигмы Э. Дюркгейму, можно вслед за ним выделить в дохристианской духовности восточных славян противоположные друг другу сферы религии и магии, как общественных и личных верований и практик. Основываясь на гипотезе миметического желаяния и теории «козла отпущения» Р. Жирара можно проследить упадок языческой религии в связи с ее центральным институтом — жертвоприношением. С точки зрения Р. Жирара, становление государства и судебной власти убирает необходимость в жертвоприношении, как способе сдерживания насилия в обществе. Соответственно, ключевой способ демаркации между язычеством и неоязычеством — сведение дохристианской религии к ее социальной функции. В свою очередь,

неоязычество – это не попытка возрождения исторических языческих практик, которая в современном обществе не имеет смысла, а одна из идеологий, порожденных господством миметического желания и вызываемого им ресентимента в современных обществах.

3. Советский антисемитизм «русской партии» стал, с одной стороны, продолжением дореволюционной и эмигрантской мысли, а, с другой стороны, порождением бюрократической культуры, наиболее подверженной миметическому желанию и соперничеству в форме «внутренней медиации». Необходимость внести различие в общество привела к фактическому отходу от доктрины классовой борьбы в сторону размышлений о важности этнического фактора. Характерный для дореволюционного антисемитизма уклон в православие был подорван как советской системой образования (культивировавшей представление о выгоде Крещения Руси для класса эксплуататоров), так и господствовавшим в советской этнологии примордиализмом, создававшим почву для апологии язычества, как религии, передаваемой через «родство с предками и потомками» и единственно соответствующей «психическому складу» нации, вне зависимости от исторических социальных трансформаций. Свою роль сыграло и появление «Велесовой книги».

4. К возникновению русского неоязычества привело сочетание обстоятельств жизни его первых идеологов (А. А. Добровольского, В. Н. Емельянова, А. М. Иванова), и некоторых идеологических, политических и научных трендов. Первое поколение мыслителей создало и первую волну неоязыческой идеологии, в основе которой лежит обвинительный нарратив («текст гонений»), подкрепленный примордиалистским подходом к национальному вопросу. Он продолжал дореволюционную традицию таких авторов, как Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев и К. П. Победоносцев, но при этом отражал и более современные аргументы в пользу биологического представления об этничности, позаимствованные из советской науки, в которой встречались

допущения о биологической основе этничности. Сложившийся подход отбросил в сторону старые антисемитские концепции, основанные на христианской религии, поскольку само христианство, в силу его семитских корней, стало обозначаться, как явление исключительно негативное. Паразитируя на механизмах человеческого мышления, мифологических сюжетах и образах, неоязычники создали ряд текстов, построенных на обличении своих «природных» врагов — евреев, наделив их наиболее отвратительными и отталкивающими чертами и назвав христианство их идеологическим оружием. Читатель, ознакомившийся с этими текстами и доверившийся их авторам, не имел иного пути, кроме как искать основания для своей национальной традиции в язычестве.

5. Именно такие радикалы, как В. Н. Емельянов и А. А. Добровольский сильнее всего повлияли на становление движения. Емельянов породил публицистическую традицию, к которой принадлежат многие его эпигоны, включая В. Н. Безверхого, основавшего «Общество волхвов» и «Союз венедов», из которых выросло русское неоязычество в Санкт-Петербурге. В свою очередь, А. А. Добровольский стал ключевой фигурой для объединения неоязычников со всей России, благодаря проводившимся в деревне Васенево купальским праздникам.

6. Неоязычники второй волны перешли от формирования обвинительных нарративов и теорий заговора к конструированию «Традиции», поскольку после Перестройки Россия находилась в состоянии «жертвенного кризиса». Таким образом, вторая волна – это умеренное крыло неоязычества. Тем не менее, как и все современные идеологии, неоязычество второй волны несет в себе нигилистический заряд, который обнаруживается при анализе стратегий конструирования «Традиции». С этой точки зрения можно выделить два «идеальных типа» русских неоязычников — «традиционалистский» (Л. Р. Прозоров, И. Г. Черкасов), близкий к традиционализму Р. Генона и Ю. Эвола, и «модернистский» (А. Ю. Хиневич), близкий к «космической религии» З. Ситчина. Движение распадается на

«традиционалистов» и «модернистов», когда в 2009 г. было опубликовано обращение «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве». Тем не менее, обе стратегии изобретения «Традиции» несут в себе элемент отрицания и важную роль в них имеет образ врага. Традиционалисты отталкиваются от общества Модерна как негативного образца и выстраивают свою идентичность через противопоставление ему образа «изначальной Традиции». Модернисты же сплавляют воедино фантастические образы космических пришельцев и злых мифологических персонажей, обосновывая тем самым идею многотысячелетней космической войны «арийцев» с иными расами. Также, параллельно с разделением на традиционалистов и модернистов, возникает и феномен «пост-неоязычников», когда бывшие сторонники возрождения язычества переходят в иные религии (православие, как И. Лисков) или создают свою религию («Эмергенция» Яроврата и Е. Сычева), а само неоязычество подвергают критике.

7. Представители субкультуры скинхедов, исповедовавшие неоязычество, могут быть определены как неоязычники третьей волны. Из-за перехвата властью умеренной патриотической повестки и беспомощности ультраправых партий, они постепенно начинают становиться все более радикальными. Нежелание большинства этнических русских вернуться в утопическую дохристианскую Русь, образ которой конструировали идеологи второй волны, приводит молодых неоязычников к мизантропии и радикальному противопоставлению себя государству, с которым они вступили в конфликт, развивавшийся по сформулированному К. фон Клаузевицем и Р. Жираром принципу «устремления к крайности». Ряд резонансных убийств и идеологический радикализм привлек к ним внимание правоохранительных органов. Основные движения неоязычников третьей волны, такие как БТО и NS/WP были ликвидированы, но их идеологическое наследие живет в таких проектах как Wotan Jugend.

8. Начиная с исламофилии первых неоязычников (А. А. Добровольский, В. Н. Емельянов), через публицистику В. А. Истархова и других неоязыческих

авторов проходит идея союза с исламским миром в борьбе с «сионистским оккупационным правительством». Боевики БТО считали радикальных мусульман, противостоявших федеральным войскам на Северном Кавказе, своими союзниками. Поскольку радикальные мусульмане и неоязычники разделяют общий традиционалистский этос и ненависть к евреям, стал возможен такой феномен, как «русские праворадикальные мусульмане», когда некоторые неоязычники третьей волны стали переходить в ислам, не порывая при этом с ультраправыми взглядами. Имеет смысл также выдвинуть гипотезу, согласно которой важную роль в переходе молодых неоязычников в ислам сыграл использовавшийся в националистической печати пропагандистский метод «дивергенции», когда современное состояние русского народа сравнивалось с состоянием народов, исповедующих ислам, причем сравнение было в пользу последних.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были отражены в текстах опубликованных статей, а также в тезисах и докладах научных конференций: «Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура» (2–3.12.2014 — Ижевск), «Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура» (1–2.12.2015 — Ижевск), «Антропология времени» (6–7.03.2017 — Москва), «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (28–29.11.2017 — Ижевск), «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (6–7.03.2018 — Москва), «Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура» (4–5.12.2018 — Ижевск), «Образовательная среда организации: новые методы, направления и пути развития» (11.12.2018 — Ижевск), «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (10–12.12.2019 — Москва), «Экстремистские тенденции в неоязычестве: оценка рисков и перспектив» (17.11.2021 — Санкт-Петербург).

Структура работы: данное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, двух приложений, списков источников и использованной литературы. **Во введении** дается обоснование актуальности диссертационного

исследования, рассматривается степень научной разработанности темы, указываются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертационного исследования, обосновываются хронологические и территориальные рамки работы. Обозначается научная новизна исследования, дается характеристика источниковой базы, излагаются положения, выносимые на защиту, практическая значимость работы, а также сведения об апробации ее результатов.

Первая глава — «Методология исследования неоязычества». В данной главе проведен анализ историографии с точки зрения используемых исследователями неоязычества теоретико-методологических подходов. Также кратко излагается «миметическая теория» Р. Жирара. Затем, с опорой на теории Дюркгейма и Жирара, представлена краткая схема упадка славянской дохристианской религии в Древней Руси и зарождения неоязычества, как формы националистической идеологии. **В первом параграфе «Основные исследовательские направления и их методология»** рассмотрена имеющаяся историография по теме русского неоязычества. Проведена классификация всех упоминаемых авторов в три основные группы. При анализе использовались концепции «парадигм» в истории науки (Т. Кун), «эмного» и «этноного» подхода в антропологии (К. Пайк), а также классификация исследований «маргинальной религиозности, предложенная П. Г. Носачевым («мистоцентризм», «классический рационализм», «новоевропейский подход» и «американские» подходы). Первая группа авторов обозначена как «научная и политическая критика» и представлена работами К. А. Жарчинской, А. А. Зализняка, О. И. Кавыкина, Л. С. Клейна, А. Г. Кузьмина, М. Ларюэль, Е. Л. Мороза, Н. Омонова, В. В. Прибыловского, А. В. Пучкова, В. А. Шнирельмана. Эти авторы занимались разбором псевдонаучных неоязыческих мифов, касающихся истории, археологии и лингвистики, а также анализировали свойственную «родноверам» и «славянским ведистам» склонность к праворадикальным политическим взглядам. В данном направлении представлены авторы с разными подходами, классическими и

неклассическими, этными и эмными, «мистоцентрическими» и «рационалистическими».

Подход второй группы авторов нацелен на «понимание», то есть изложение неоязыческой истории и идей в том виде, в каком их себе представляют сами сторонники этого мировоззрения, пользуясь материалами, полученными не только из «родноверческой» литературы, но и через интервью, включенное наблюдение, социологические опросы. Такая методология характерна для Р. В. Шиженского и А. А. Бескова, а также для К. Айтамурто, А. Н. Агальцова, О. В. Асеева, А. В. Гайдукова, В. В. Кобеца, В. Б. Меранвильда, И. Б. Михеевой, О. С. Тютиной. Всех перечисленных авторов можно отнести к неклассической парадигме, а их подход обозначить как по преимуществу эмный и мистоцентрический.

Третья группа исследователей стоит на конфессиональных (православных) позициях. Среди таких авторов сектоведы А. Л. Дворкин и В. А. Мартинович, священник Г. Максимов, миссионер М. Н. Кузнецов и писатель Ю. Ю. Воробьевский. Их работы сильно различаются по степени академичности. При этом, подходы сектоведов и М. Н. Кузнецова можно отнести к классической парадигме и обозначить как этные и близкие к «классическому рационализму» в терминологии П. Г. Носачева. Работы о. Г. Макимова и Ю. Ю. Воробьевского носят публицистический характер и их трудно отнести к научным.

Можно сделать следующие выводы. Во-первых, историография темы включает в себя три основных направления: научная и политическая критика неоязычества, позитивно настроенное по отношению к неоязычеству «понимающее» направление, конфессиональная критика неоязычества. Во-вторых, единство исследовательской парадигмы свойственно только второму направлению, которое основано на теории и методологии неклассического религиоведения и методах эмной антропологии. В-третьих, можно выделить две проблемы, которые в рамках неклассической парадигмы и эмного подхода очень трудно решить. Первая — это проблема демаркации между язычеством

и неоязычеством (или «современным язычеством»). Вторая — проблема теологического происхождения термина «язычество» и путаницы, которую вызывает его слишком широкое толкование. Можно предположить, что обращение к иной парадигме может помочь в решении этих проблем.

Во втором параграфе, «Язычество и неоязычество с точки зрения классической парадигмы», сформулированы теоретические и методологические основания исследования. В качестве альтернативы «понимающему» неклассическому подходу можно предложить возврат к классической парадигме, характерной для таких авторов, как В. А. Шнирельман. В качестве теоретической рамки берутся структурный функционализм Э. Дюркгейма и миметическая теория Р. Жирара. В данном параграфе подробно описаны некоторые термины и концепции, используемые в теории Жирара: «миметическое желание», «конфликтный мимесис», «механизм козла отпущения», «жертвенный кризис», «гонительская репрезентация». На этой теоретической основе коротко прослеживается история упадка восточнославянской языческой религии, которая, следуя Дюркгейму, рассматривается как противоположность народной магии, которую исследователи вроде А. А. Бескова считают языческим пережитком. Затем коротко рассматривается взгляд Р. Жирара на генезис националистических идеологий в результате одновременного распространения взаимного ресентимента и романтического взгляда на личность, с якобы присущими ей «природными» характеристиками (например — этнически предопределенной психологией). Подобный подход в отношении неоязычества оправдан постольку, поскольку сами его провозвестники, даже такие умеренные как Г. П. Якутовский («Всеслав Святозар») и Н. Н. Сперанский («Велимир») описывали возникновение русского неоязычества в категориях «выражения русского духа» и «отражения духа и психики народа». Также в параграфе обосновывается введение классификации трех «волн» русского неоязычества.

Окончательный вариант теоретико-методологических оснований выглядит следующим образом. В основе всего находятся классическая религиоведческая парадигма и принципы историзма, эволюционизма и редукционизма. Теоретическая рамка выбранного автором подхода – структурный функционализм в том виде, в каком он представлен в работах Э. Дюркгейма и Р. Жирара, дополненный конструктивизмом таких авторов, как Б. Андерсона и Э. Хобсбаум. К этому стоит добавить психологический анализ конспирологического мышления Р. Бразертон, который может пригодиться при анализе антисемитских мифов и концепцию «идеальных типов» М. Вебера. Основные методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, метод классификации, социальный и психологический редукционизм, онлайн-наблюдение, неформализованное интервью. Как религиозное, общественное и политическое явление, радикальное русское неоязычество рассматривается с точки зрения его исторического генезиса и социальных функций.

Вторая глава — «Первая волна неоязычества: “поиск Козла отпущения”». В этой главе рассматриваются истоки основных положений неоязыческой идеологии и приход его первых идеологов к их мировоззрению. **Первый параграф — «Идейные предпосылки в политике, образовании и науке».** Можно выделить следующие предпосылки возникновения русского неоязычества. Первая предпосылка — это господство класса номенклатуры, находившегося, в силу его особенностей, в постоянном кризисе обезличенности, из-за которого популярными становились националистические идеи. Антисемитизм сопутствовал им, последовательно создавая образы евреев, как «троцкистов», «безродных космополитов» и «сионистов».

Оправданием ненависти к евреям, как и побудительным мотивом для поиска «подлинной национальной духовности» стало господство в СССР примордиалистского взгляда на этничность, согласно которому у каждой этнической группы есть свой устойчивый «психический склад». Значимым

этапом в этом поиске стало появление в СССР информации о поддельной «Велесовой книге», которую ряд праворадикальных публицистов подняли на щит в качестве аутентичного источника информации о язычестве.

Что касается представлений о язычестве и крещении Руси в советских школьных учебниках и книгах для учителей, то по результатам их анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, в советской школе ученикам не пытались объяснить, в чем особенность религиозной сферы и какие закономерности существуют в истории религий. Во-вторых, ни в одном учебнике сфера исследований славянского язычества и крещения Руси не представлена в качестве проблемной. Педагоги не считали необходимым пояснить ученикам все трудности, связанные с реконструкцией исчезнувших религий. Учебники предлагали упрощенные варианты некоторых теоретических построений, при этом не упоминая о существующих альтернативах. В-третьих, если тексты учебников первой половины XX в. (М. Н. Покровского и А. В. Шестакова) вообще скупы на описание религиозной тематики, то отношение текстов второй половины века можно характеризовать как амбивалентное в отношении и славянского язычества, и крещения Руси. Тем не менее, в них встречались тезисы, которые могли оттолкнуть человека от христианства, такие как утверждение об односторонней выгоде Крещения для класса эксплуататоров и его насильственном характере.

Второй параграф — *«Радикальные идеологи первой волны»*. В данном параграфе прослеживается путь мировоззренческого становления первых русских неоязычников, А. М. Иванова (Скуратова), В. Н. Емельянова и А. А. Добровольского («Доброслава»). Их идеология была продолжением антисемитского мифа в духе «Протоколов сионских мудрецов», переосмысленного через призму биологизаторского примордиализма. Ключевую роль сыграла книга «Десионизация» В. Н. Емельянова, где христианство было названо идеологическим оружием иудеев для завоевания языческих народов. Онлайн-наблюдение показывает, что и во второй

половине 2000-х гг. путь в неоязычество для некоторых начинался именно с этой книги. Вслед за В. Н. Емельяновым, А. М. Иванов, считавший религиозность явлением, зависящим от биологической природы народа, пришел к выводу о деструктивности влияния христианства на русскую культуру в работе «Христианская чума», хотя до ознакомления с «Десионизацией» он пытался рассуждать о борьбе «арийского» и «еврейского» начал внутри христианства. Последним из трех идеологов к неоязычеству пришел А. А. Добровольский, автор статьи «Стрелы Ярилы». До этого он успел побывать диссидентом в организации НТС и в среде православных консерваторов, однако под давлением следователей дал показания против соратников в «Процессе четырех» и процессе о журнале «Вече». После этого он увлекся эзотеризмом и познакомился с В. Н. Емельяновым.

В работах трех идеологов была сформулирована версия антисемитского и антихристианского мифа, основанная преимущественно на примордиалистском подходе к национальному вопросу. Сложившийся подход смог отбросить в сторону старые антисемитские концепции, основанные на христианской религии, поскольку само христианство стало обозначаться, как явление исключительно негативное. Читатель, ознакомившийся с этими текстами и доверившийся их авторам, не имел иного пути, кроме как искать основания для своей национальной традиции в нехристианском прошлом своей культуры.

Эти тексты можно рассматривать в качестве современной версии средневековых «текстов о преследованиях» (Р. Жирар), содержащих три типа стереотипов. Первый тип — констатация наличия общественного кризиса. Второй тип — стереотипы обвинений в адрес преследуемых (вредительская деятельность). Третья группа стереотипов — признаки виктимного отбора (поиск удобных «козлов отпущения»). Поскольку работы А. М. Иванова, В. Н. Емельянова и А. А. Добровольского носят отчетливый антисемитский характер, неудивительно, что вышеперечисленные стереотипы

обнаруживаются в них без особого труда. Они верили, что евреи и христианство являются главной внутренней угрозой для СССР.

Третья глава — «Вторая волна неоязычества: “изобретение Традиции”». Данная глава посвящена становлению неоязыческого движения и выработке его позитивной реконструкторской повестки, которая пришла на смену критике христианства и иудаизма. Также в ней предлагается объяснение существующему мировоззренческому расколу в движении. **Первый параграф — «Радикальные идеологи и развитие движения».** В 1990-е гг. в России образовался идеологический вакуум. Вслед за религиоведом Д. Е. Фурманом можно рассматривать советский коммунизм как религию, которая поддерживала существование советского общества. Крушение этой религии привело к тому, что В. А. Шнирельман и О. И. Кавыкин обозначили как «кризис идентичности», но, вслед за Р. Жираром, мы можем использовать иной термин — «жертвенный кризис», то есть «распад тех категорий, посредством которых классифицируются люди». В теории Р. Жирара такой кризис преодолевается через поиск «козла отпущения».

Начало второго исторического этапа в развитии неоязычества ознаменовалось появлением в 1989 г. «Московской славянской языческой общины» под началом В. Н. Емельянова и создателя «славяно-горицкой борьбы» А. К. Белова («Селидора»), а в 1990 г. — ленинградского «Союза венедов». Последняя организация являлась творением В. Н. Безверхого («Остромысла»), преподавателя в военно-морском училище в Ленинграде, кандидата философских наук, специалиста по немецкой классической философии. В своих работах он объединял советский атеизм, ариософию и элементы восточных религий, а также обильно заимствовал идеи у В. Н. Емельянова. Из его организаций выделилось более молодое поколение, под началом В. Ю. Голякова, также известного под именем «Верховный жрец Богумил Голяк II», и основало общину «Шаг волка», позднее переименованную в «Схорон еж словен». Двое других последователей В. Н. Безверхого, А. Андреев и Ю. Беляев, стали организаторами

маргинальной «Народно-социальной партии» и праворадикальной газеты «Народное дело».

Другим центром развития движения стала д. Васенево, Шабалинского района, где проводил с 1992 г. купальские празднества А. А. Добровольский («Доброслав»). Такие представители второй волны, как Н. Н. Сперанский («волхв Велимир», в разное время был одним из лидеров «Коляды Вятичей» и «Круга Языческой Традиции»), В. С. Казаков (лидер «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры»), Л. Р. Прозоров («Озар Ворон»), Д. А. Гасанов («Богумил», один из лидеров «Велесова Круга»), отмечают важную роль А. А. Добровольского, как объединяющей фигуры для людей со всей России, которые знакомились и выстраивали социальную сеть через участие в его праздниках.

Второй параграф — *«Подходы к “изобретению Традиции”»*. Рассуждения, представленные в данном параграфе, берут свое начало из гипотезы автора, согласно которой существует два подхода к концептуализации реконструируемой традиции среди идеологов второй волны русского неоязычества: традиционалистский и модернистский.

«Традиционалистский» подход связан с так называемым «интегральным традиционализмом» Р. Генона (у которого неоязычники-традиционалисты позаимствовали написание слова «Традиция» с большой буквы, подразумевая ее примордиальную версию), и получившим развитие в трудах его многочисленных последователей. Сравнительный анализ текстов интегральных традиционалистов и таких неоязыческих авторов, как Н. Н. Сперанский, Л. Р. Прозоров и И. Г. Черкасов («Велеслав»), показывает, что идеи об оторванности современного человека от Традиции, об ограниченности свойственной эпохе Модерна рационального мышления и об антагонизме между сторонниками обращения к Традиции и современным обществом свойственны как основателям традиционализма, так и идеологам русского родноверия. Традиционалистский подход учитывает, во-первых, что между древним и современным язычеством лежит пропасть прерванной

Традиции. Во-вторых, исходит из того, что ее восстановление требует не исторической реконструкции прошлого, основанной на научной рациональности, но обретения духовного опыта и обращения к «Вечной философии», которая и является язычеством. В-третьих, в рамках этого подхода исправление современного мира требует воспитания языческой духовной элитой, состоящей из волхвов, а духовное самосовершенствование может требовать от адепта Традиции поведения, непривычного для окружающих.

Противоположностью традиционалистского подхода является подход «модернистский». В качестве примера идеального типа «религиозного модернизма» можно привести «космическую религию» З. Ситчина, интерпретирующего древние мифологические сюжеты с точки зрения уфологии (мифологические персонажи как инопланетяне). Модернистская интерпретация языческой традиции представлена в учении так называемых «староверов-инглингов» и их лидера А. Ю. Хиневича. В «Славяно-Арийских ведах» инглингов «кощеи» – это демоническая раса инопланетян из Пекельного мира. Ключевое отличие модернистского подхода заключается в том, что наукообразный рационалистический дискурс используется для описания событий далекого прошлого, как будто никаких принципиальных мировоззренческих отличий между архаическим и современным человеком не существует. В 2009 г. в интернете было опубликовано публичное обращение «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве», написанное от лица крупнейших родноверческих объединений Круг Языческой Традиции (КЯТ) и Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры (ССО СРВ). В нем представители этих объединений резко отмежевываются от таких людей, как А. Ю. Хиневич. Так произошел раскол в неоязыческом движении. Это же разделение можно найти и при анализе текстов, написанных близкими к неоязычеству политическими публицистами. Например, склонный к биологизаторскому «научному» расизму В. Б. Авдеев

был ближе к модернизму, а ссылающийся на Р. Генона национал-демократ А. А. Широпаев — к традиционализму.

Оба описанных способа конструирования «Традиции» несут в себе элемент отрицания и опираются на образ врага. Как утверждал Р. Жирар, даже пытаясь выстроить позитивную платформу для своего мировоззрения, современные идеологи оказываются в ловушке нигилизма. Традиционалисты отталкиваются от общества Модерна как негативного образца и выстраивают свою идентичность через противопоставление ему образа «изначальной Традиции». Модернисты же сплавливают воедино фантастические образы космических пришельцев и злых мифологических персонажей, обосновывая тем самым идею многотысячелетней космической войны «арийцев» с иными расами.

Конфликт между традиционалистами и модернистами в интернете выливался в многочисленные обсуждения в социальных сетях. Главным сообществом в социальной сети «ВКонтакте», критикующим модернистов, стала группа «Слава живым грибам», где в конце 2000-х — начале 2010-х гг. проходили периодические споры между этими двумя направлениями. Дискуссии проходили и на типично модернистских площадках, таких как группа «Игры Богов».

Также необходимо указать, что в 2000-е гг. появляются пост-неоязычники — люди, принадлежавшие к той или иной неоязыческой организации, но впоследствии отказавшиеся от неоязыческих убеждений, обратившись к атеизму, к иной религии, или разработав свое собственное мировоззрение, а также подвергнувшие критике само неоязычество. В качестве примеров можно привести блогера И. Лискова, прошедшего через организации А. Ю. Хиневича и И. Г. Черкасова, но ставшего в итоге православным апологетом, а также интернет-публицистов В. Г. Фролова (Яроврата) и Е. Сычева, разработавших собственное техно-прогрессиистское мировоззрение, «эмергенцию», с позиций которого родноверие подвергалось критике как слишком ригидная, традиционалистская и «беззубая» религия.

Именно в среде их последователей распространились популярные пейоративы, используемые в адрес русских неоязычников: «долбославие», «хероверие», «хуеславие». Это осуществлялось также с помощью карикатур и баннеров для блогов.

Четвертая глава — «Третья волна неоязычества: “борцы с Системой”». Глава посвящена всплеску ультраправого молодежного насилия в 2000-е гг., связанного с «Боевой Террористической Организацией Боровикова-Воеводина» и их последователями, обозначавшими себя с помощью аббревиатуры NS/WP. Также в ней идет речь о феномене перехода радикальных правых активистов из неоязычества в ислам, с сохранением националистических взглядов. **Первый параграф — «Идеология и практика расовой войны».** Параграф посвящен истории третьей волны неоязычества — «Боевой террористической организации Боровикова-Воеводина» (БТО) и их последователям, обозначавшим себя как NS/WP. В отличие от неоязычников второй волны, занимавшихся возрождением «Традиции», молодые неоязычники из числа скинхедов хотели более активной борьбы с «врагами расы». Хотя некоторые родноверы осуждали деятельность БТО, своим авторитетом их впоследствии поддержал А. А. Добровольский. От обычных групповых нападений участники БТО перешли к иным методам. Они совершили ряд резонансных убийств (Н. М. Гиренко, Х. Султонова, Л. Самба) и террористических актов. Они сменили свою референтную группу с «русского народа» на «белых арийских воинов», поскольку большинство русских (обозначаемых в «знах» БТО как «обыватели», «овощи», «общечеловеки»), не спешило перенимать их взгляды и восставать против ZOG (от англ. «Zionist Occupation Government»).

События, развернувшиеся вокруг этой группировки и ее последователей, сами ее члены воспринимали как «священную расовую войну». Можно описать их действия с помощью концепта «устремления к крайности», позаимствованного Р. Жираром из работы К. фон Клаузевица «О войне». К. фон Клаузевиц постулировал в своем трактате, что на войне

«оба противника до последней крайности напрягают усилия» и предел этих усилий определяется «противодействующими силами». Соответственно, параллельно практике борьбы с «системой» в сторону радикализации развивалась и идеология, что можно проследить, сравнив журналы «Гнев Перуна» и более поздние «зины» БТО и NS/WP. Противопоставление радикалов из числа последователей БТО более умеренным сторонникам национализма было визуализировано в так называемом «Белом букваре» (признан на территории России экстремистским материалом).

Второй параграф — «*От неоязычества — к праворадикальному исламу*». В параграфе представлена попытка объяснения перехода ряда бывших праворадикальных неоязычников (таких как Кирилл «Веган» Присяжнюк из NS/WP или Евгений «Dub Dervish» Дубровин), принявших ислам в его салафитской форме, но сохранивших свои националистические взгляды. Тенденция исламофилии в неоязычестве начинается с работ арабиста и борца с «сионизмом» В. Н. Емельянова. Она нашла продолжение в книге «Удар Русских Богов» В. А. Истархова и «Истории религии» В. Н. Безверхова. А. А. Добровольский также высоко оценивал ислам, как более «здоровую» религию, чем христианство.

Следующим этапом было возникновение Национальной Организации Русских Мусульман, которую создал В. Сидоров (Харун Ар-Руси), до этого увлекавшийся работами А. Розенберга и Ю. Эволы и считавший себя «убежденным язычником». Он стремился создать «субэтнос» русских мусульман, для борьбы с «режимом». Однако, организация в итоге раскололась и исчезла. Создатели учения «Эмергенции» В. Фролов и Е. Сычев также использовали исламские образы в своей риторике (называли оппонентов «кафирами», а Центробанк РФ — «Даджалбанком»). Однако, как утверждает Е. Сычев, к исламскому влиянию в данном случае «не стоит относиться серьезно», поскольку использование различных радикальных дискурсов было для них всего лишь формой для выражения и переживания психических аффектов, вызванных трансгрессивными практиками.

Д. А. Боровиков и А. М. Воеводин в своих «знах» писали статьи в поддержку исламских террористов на Северном Кавказе, где одобрительно высказывались о террористическом акте в Беслане и призывали русских молодых людей не вступать в российскую армию. Их последователь из NS/WP М. Сахаров («NECros 88») в своих текстах проводил параллель между радикализмом своих соратников и моджахедов.

Данное явление можно сравнить с исламофильской позицией европейских «новых правых». Сравнив позиции европейских и российских правых исламофилов, можно заметить, что в обоих случаях речь идет о союзе, в основе которого лежит образ общего врага: иудаизма, христианства или либерализма. Общим является и традиционалистский этос, направленный против современного миропорядка. При этом в националистической прессе (например, в «Национальной газете» А. Н. Севастьянова) печатались материалы, в которых мусульмане представляли в качестве образца для русских, поскольку они сохраняют традиционный уклад и традиционные гендерные роли. Такой подход к подаче информации вполне мог стать одним из побудительных мотивов для перехода ультраправых боевиков в ислам, хотя редакторы и не планировали заранее, что у их пропагандистских изданий будет такой эффект.

В заключении сформулированы основные результаты диссертационного исследования. Неоязычество зародилось в 70-е гг. XX в., благодаря таким идеологам, как А. И. Иванов, В. Н. Емельянов и А. А. Добровольский (первая волна). Это произошло на фоне подъема национализма среди советской бюрократии, критики православия, как религии, принятой в угоду господствующему классу, в советской школе, и господства этнологического примордиализма в науке и национальной политике, а также под влиянием некоторых дореволюционных реакционных мыслителей. В 90-е гг. начала формироваться вторая волна, ориентированная на «изобретение Традиции». Из-за различий в используемых подходах к реконструкции, к середине 2000-х гг. произошел раскол на

«традиционалистов» и «модернистов». Параллельно возник и феномен пост-язычников, отказавшихся от неоязыческого мировоззрения и жестко его критиковавших. После того, как государство переняло повестку у умеренно-правых консерваторов и тем самым лишило карликовые националистические партии поддержки масс, фрустрированные молодые неоязычники обратились к политически-мотивированному насилию. Так возникла третья волна русского неоязычества, для которой были характерны готовность к насилию, элитизм и мизантропия. На этом же этапе, в силу сходства методов, маргинального положения и общих противников, а также благодаря представленным в националистической пропаганде притягательным образам традиционного уклада жизни исламских народов, возникает феномен русского праворадикального ислама, когда бывшие неоязычники становились салафитами.

Приложения к диссертации включают «Материалы переписки из удаленного блога Л. Р. Прозорова», а также иллюстрации из «Белого букваря» и блогов В. Г. Фролова.

Список опубликованных автором работ по исследуемой теме.

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кутявин Н. А. Анализ неоязычества и национализма в антропологии Рене Жирара // Вестник антропологии. — 2022. — № 2. С. 320–332.

2. Кутявин Н. А. Постнеоязычество: о двух направлениях мировоззренческой эволюции бывших неоязычников // Вестник антропологии. — 2023. — № 1. — С. 234–245.

3. Кутявин Н. А. Язычество: три подхода к концептуализации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2023. — Т. 33. № 1. — С. 138–143.

4. Кутявин Н. А. Концепция «волн» в контексте истории русского неоязычества: опыт классификации // Кунсткамера. — 2023. — № 1 (19). — С. 205-217.

В других изданиях:

5. Кутявин Н. А. Высшее божество в религии древних славян // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 2–3 декабря 2014 г. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». — 2014. — С. 46–53.

6. Кутявин Н. А. Неоязыческий миф о князе Святославе // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 1–2 декабря 2015 г. — Ижевск: Институт компьютерных исследований. — 2016. — С. 17–30.

7. Плеханов А. А., Кутявин Н. А. Категории времени в праворадикальных националистических дискурсах России и Украины // Антропология времени: сб. тезисов конференции молодых ученых. — М.: РГГУ, 2017. — С. 82–85.

8. Кутявин Н. А. Неоязыческая социальная утопия в интерпретации фольклора Л. Р. Прозоровым // Фольклористика и культурная антропология сегодня: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых / Сост.: Н.С. Петрова, Н.Н. Рычкова. — М.: РГГУ. — 2018. — С. 42–43.

9. Кутявин Н. А. Роль неоязыческого национализма в генезисе феномена «праворадикального ислама» // Восточно-Европейский научный вестник. — 2018. — №1. — С. 32–36.

10. Кутявин Н. А. Восточнославянское язычество и крещение Руси в отечественной учебной и педагогической литературе XX века // Преподавание истории в школе. — 2018. — №8. — С. 76–79.

11. Кутявин Н. А. Неоязыческая социальная утопия в интерпретации фольклора Л. Р. Прозоровым. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2018. — № 9 (42). — С. 114–125.
12. Кутявин Н. А. Институт жертвоприношения и его упадок у восточных славян в свете теории религии Рене Жирара // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 28–29 ноября 2017 г. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2018. — С. 53–61.
13. Кутявин Н. А. Неоязычество в православном зеркале // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2019. — Т. 29. № 1. — С. 141–145.
14. Кутявин Н. А. К проблеме парадигмы исследования неоязычества // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2019. — Т. 29. № 4. — С. 691–697.
15. Кутявин Н. А. Радикализация как фактор мировоззренческого становления первых российских неоязычников (1970-1980-е годы) // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. — 2019. — № 2. — С. 52–70.
16. Кутявин Н. А. Рец. на: Религии и радикализм в постсекулярном мире / Под ред. Е. И. Филипповой, Ж. Радвани. М.: ИЭА РАН; Горячая линия—Телеком, 2017. 326 с. // Этнографическое обозрение. — 2019. — № 4. — С. 187–190.
17. Кутявин Н. А. «Просветитель» Иосифа Волоцкого как пример «текста о преследованиях» // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VI Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых. Ижевск, 4–5 декабря 2018 г. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2019. — С. 176–182.
18. Кутявин Н. А. Примордиализм и проблема нативистской религиозности // Образовательная среда организации: новые методы, направления и пути развития. Сборник трудов I Всероссийской научно-

практической конференции. Под общей редакцией М. А. Санникова. 2019. — Ижевск: Издательство ИЖГТУ имени М. Т. Калашникова. 2019. — С. 172-178.

19. Кутявин Н. А. Религия и насилие от Перуна до Иосифа Волоцкого: опыт жирардианской интерпретации // Древняя Русь: общество, власть, культура: сборник статей к 60-летию профессора В. В. Пузанова. — Ижевск: Изд-во Удмуртского университета. 2020. — С. 189-201.

20. Кутявин Н. А. Традиционализм и модернизм в мировоззрении славянских неоязычников России // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН: выпуск I / Ответственные редакторы А. А. Плеханов, Н. А. Лапкина. — М.: ИЭА РАН, 2020. — С. 242-252.

21. Кутявин Н. А. Чем больна современность? Сравнительный анализ концепций «гностической болезни» Эрика Фегелина и «онтологической болезни» Рене Жирара // Актуальные тенденции социальных коммуникаций: история и современность: сб. науч. ст. / науч. ред. Г. В. Мерзлякова. — Ижевск: Удмуртский университет, 2024. — С. 350-362.